

Содержание

К 70-летию Александра Николаевича Мещерякова	
Слово о юбиляре	9
О работах А.Н. Мещерякова	11

Китай и Индия в японской традиции

М.В. Торопыгина

История Ян-гуйфэй в японских текстах XII в. : «Тосиёри дзуйно:», «Кондзяку моногатари сю:», «Кара моногатари»	17
--	----

Н.Н. Трубникова

Буддизм и японская поэзия в «Собрании песен о пробуждении сердца»	32
Собрание песен о пробуждении сердца. Перевод и примечания Н.Н. Трубниковой	49

А.М. Горбылёв

Этапы совершенствования мастерства в боевом искусстве в трактате «Чудесное искусство кота» (1727 г.). О влиянии даосского учения Чжуан-цзы на теорию японских <i>бугэй</i>	78
--	----

М.В. Есипова

Небесные музыканты (киннары и калавинки) и их музыкальные инструменты в японской иконографии (в контексте искусства Южной, Центральной и Восточной Азии)	93
--	----

Литература и театр

М.С. Коляда

Многообразие путей: рассказы об искусствах в «Беседах о делах старины»	115
Беседы о делах старины. Раздел 6. Избранные рассказы. Перевод и примечания М.С. Коляды под редакцией Н.Н. Трубниковой	119

Е.М. Дьяконова

Буддийский монах Синкэй (1406–1475) об идеальном поэте	130
Разговоры вполголоса. Избранные главы. Перевод и примечания Е.М. Дьяконовой	136

<i>И.В. Мельникова</i>	
Кварталы любви в прозе Ихара Сайкаку.....	146
<i>В.В. Хомченкова</i>	
Театральный, исторический и литературный контексты	
пьесы театра Кабуки «Сибараку»	160
Подождите! Минуточку!	
Перевод и примечания В.В. Хомченковой	165
<i>И.Ю. Борисова</i>	
Литературная теория Ёкомицу Риити	
в контексте русского формализма	188
<i>О.А. Забережная, И.Д. Бурмистров, Д.А. Олейник, А.А. Рублева</i>	
Особенности цветовой характеристики в прозе писателя	
Миядзава Кэндзи	196
<i>А.В. Кудряшова</i>	
Театр Но и Путь Чая — историко-культурные параллели.....	211

Наука и философия

<i>Д.В. Трухан</i>	
О духах и стихиях: примеры соотнесения	
стихийных бедствий и горё:.....	221
<i>В.С. Фирсова</i>	
Библиотеки, архивы и книжная культура эпохи Эдо	227
<i>М.М. Киктева</i>	
Структура популярных японских энциклопедий	
конца XVIII — начала XIX в.	
на примере «Токай сэцуё: хяккацу:» (Осака, 1801 г.)	240
<i>Е.Л. Скворцова</i>	
О категории <i>ваби</i> и философских интерпретациях	
метакатегории <i>Ничто</i> в работах японских мыслителей XX в.	249
<i>А.С. Романенко</i>	
Генезис экзистенциальной философии в Японии	
как «культурный взрыв»	262
<i>С.А. Родин</i>	
«Вредные советы» Мисимы Юкио. Сборник эссе	
«Лекции по аморальному воспитанию»	275

Путешествия реальные и воображаемые

<i>Эннин</i>	
Записи о паломничестве в Китай в поисках Закона Будды	
(<i>Нитто: гухо: дзюнрэй ко:ки</i>) Свиток второй.	
Перевод и комментарии Н.В. Власовой.....	293

<i>Е.Б. Сахарова</i>	
Средневековые корейские источники о Японии	305
<i>В.В. Щепкин</i>	
Могами Токунаи и его «Айнские тетради»	317
<i>Могами Токунаи. Айнские тетради (Эдзо со:си).</i>	
<i>Перевод и примечания В.В. Щепкина</i>	319
<i>А.А. Дудко</i>	
Незаконный переход через границу: опыт путешественников эпохи Эдо	334
<i>А.Ю. Борькина</i>	
Пространство сверхъестественного в сочинении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ»	341
<i>Дзиппэнся Икку. На своих двоих по тракту То:кайдо:.</i>	
<i>От Хамамацу до Маисака (2,5 ри 12 тё:).</i>	
<i>От Ёккайти до Оивакэ (50 тё:). От Цу: до Мацудзака (5 ри).</i>	
<i>Перевод и примечания А.Ю. Борькиной</i>	350

Россия и Япония

<i>О.В. Климова</i>	
Описание айну и японцев Гавриилом Давыдовым (1807 г.)	359
<i>А.В. Климов</i>	
Сахалин в российско-японских отношениях с 1862 по 1867 г.	370
<i>С.И. Марахонова</i>	
Путеводитель по Японии от С.Г. Елисеева. Начало XX в.	384
<i>М.С. Болошина</i>	
Почтовые марки России в японской культурной рецепции (по материалам журнала «Мадо»)	394

Становление современной Японии: предпринимательство, искусство, быт

<i>В.Ю. Климов</i>	
Архив концерна «Мицуи»	403
<i>К.А. Спицына</i>	
Из истории предпринимательства Японии: мастера-изобретатели эпохи Мэйдзи	421
<i>О.А. Наливайко</i>	
«Модернизация дома начинается с благоустройства кухни!» «Реформа кухни» в Японии в эпоху Мэйдзи.....	433
<i>Е.О. Тягунова</i>	
Зарождение творческой гравюры (<i>со:саку-ханга</i>) в начале XX в.: переход от ремесла к искусству	444

<i>А.Н. Мещеряков</i>	
1937 год в хронике японского тоталитаризма: новости песенного дискурса.....	450
<i>А.А. Фёдорова</i>	
Провинившиеся медиа: дискурс о «перевоспитании» кинематографа и бумажного театра <i>камисибай</i> в Японии 1910–1930-х годов	461
<i>А.П. Беляев</i>	
Айдзу Яити и его взгляды на современное японское письмо.....	476
<i>Айдзу Яити. Современное СЁДО.</i> <i>Перевод и примечания А.П. Беляева</i>	478
<i>Е.Г. Петрова, Мацусима Хадзимэ, А.А. Петрова</i>	
Культурные экосистемные услуги «зеленой инфраструктуры»: опыт Японии.....	488
Об авторах.....	501
Abstracts.....	505
Contents	525

К 70-летию Александра Николаевича Мещерякова

Слово о юбиляре

В феврале 2021 г. Александру Николаевичу Мещерякову исполняется 70 лет. Хочется надеяться, что к этой дате читатели уже будут держать в руках очередной выпуск «Истории и культуры Японии» и смогут прочитать эти строки, посвящающие книгу славному юбилею и замечательному юбиляру.

Нужно признаться, что идея преподнести человеку ко дню рождения результат, в значительной мере, его собственных трудов, кажется мне весьма сомнительной, но, как пелось в старинной песне, дорог не подарок, дорога любовь. Вот о любви, воспользовавшись случаем, и поговорим.

В конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века всё отечественное востоковедение не сказать, чтобы процветало: десятилетия жестоких гонений в 1930–1940-е годы при самом прочном научном фундаменте не могли не сказаться, исследовательский уровень и, соответственно, качество подготовки молодых ученых неуклонно снижались; старшее поколение покидало научное поприще. Японистика теряла свои позиции как-то особенно зримо; это научное направление возникло в России позже главнейших — китаеведения, арабистики, тюркологии, иранистики, — устойчивая традиция едва складывалась стараниями Н.И. Конрада и его учеников, но сам мэтр, увлекшись идеей «восточного Ренессанса» почти оставил японские штудии, так и не превзойдя себя самого образца 1920-х годов. Невероятный экономический взлет Японии после войны вместе с мировой славой японской культуры — классической и новой литературы, кинематографа, архитектуры и промышленного дизайна, искусства составления букетов и выращивания карликовых деревьев, сам уклад тамошней жизни, в которой сплелись национальное и всемирное, — всё рождало горячий интерес к далеким островам. В 1960–1970-е годы от желающих учить японский язык отбоя не было. Только поехать, как это называлось в достославном московском Институте восточных языков при МГУ, в «страну изучаемого языка» удавалось немногим и по большим праздникам, вроде ЭКСПО-70. В конце 1980-х отправиться в Японию стало несравненно легче; в начале 1990-х мог поехать каждый, кто хотел; российская японистика зримо обезлюдела.

Именно тогда, в реальном или кажущемся научно-японистическом безлюдье, А.Н. вышел на дорогу общественного служения: до той поры известный японист, он вдруг (или это непроницательным наблюдателям вроде меня показалось, что «вдруг») объявил о конференции японистов, начал скликать

москвичей и питерцев, ученых из других городов. Постепенно жизнь в японистике сначала затеплилась, потом разгорелась ровным устойчивым научным пламенем, столь плодотворным для всякой науки.

С той поры превосходный ученый сделался прекрасным организатором, потом, когда в нашем тогдашнем Институте восточных культур и античности возникла программа по Японии и появились студенты-японисты, — удивительным преподавателям, наставником, заботливым отцом-командиром.

При всех этих многочисленных заботах А.Н. не уставал исследовать разнообразные японские сюжеты: с завидной непринужденностью переходил от баснословной древности «Кодзики» и «Нихон сёки» к современности эпохи Мэйдзи, Второй мировой войны и проч.; упорно переводил старинные тексты и новейшие сочинения японских писателей; выступал с популярными лекциями о Японии — думаю, мало кто рекрутировал в японистику такое количество молодежи или заинтересовал тянущихся к знанию любителей культурой островной империи.

Нельзя не сказать и о собственном творчестве А.Н.: он автор нескольких стихотворных сборников, романов, воспоминаний; последние мне как прожившему ту же эпоху и примерно в тех же обстоятельствах кажутся особенно замечательными по точности характеристик времени и людей, по несентиментальной поэтичности, зоркости взгляда, даже снисходительности к человеческим слабостям.

Кстати (вернее: нестати) о слабостях. Кому-то наверняка покажется идеализированным набросанный мною *currente calamo* портрет Александра Николаевича. Что тут скажешь? Как всякий человек, А.Н. не лишен слабостей; но пишу-то я не «объективку» для отдела кадров, не приснопамятную характеристику для выезда за границы социалистической родины.

Делателя легко судить и осуждать, он уязвим: непременно совершит промах; вольно или невольно поступит иначе, чем от него ждали; чей-то этический максимализм окажется уязвленным — свободное дело, как говорил Андрей Платонов.

Но я-то, как и обещал в начале этих заметок, говорю о любви; ее А.Н. достоин, как мало кто, а всё прочее, словно горящая приправа, придает этому чувству завершённую полноту.

Японистика как наука и род деятельности, японисты как сообщество благородных профессионалов при всей разности устремлений и мнений, возраста и статуса — уверен, согласятся со мной.

И не только японисты. Весь наш Институт классического Востока и античности НИУ ВШЭ, как прежний ИВКА РГГУ, ощущает важность присутствия в своих стенах Александра Николаевича Мещерякова, человека, ученого, преподавателя — и быть по сему еще многие лета.

А что до пожелания юбиляру, то лучшего, чем совет Конфуция «после семидесяти следовать желаниям сердца, но не преступать меры», — на мой китайский вкус и не придумать.

Илья Смирнов

О работах А.Н. Мещерякова

В отечественном японоведении нет такого жанра, в каком не работал бы А.Н. Мещеряков. Это переводы классических памятников от древности до эпохи Токугава — как научные с обстоятельным комментарием, так и переводы «для чтения», понятные не только для специалистов. Это и переводы современной прозы и поэзии. Это книги-исследования, учебники, разделы в учебниках, книги очерков из истории японской культуры для широкого круга читателей. Это сотни статей в научных журналах и сборниках, в научно-популярных изданиях. Часто А.Н. Мещеряков выступает с видеолекциями, беседами на радио, снабжает разнообразными материалами сетевые просветительские проекты. По-настоящему глубокое владение темой позволяет изложить ее для любого круга читателей и слушателей, в том числе для совсем неподготовленных — эта установка в научной работе А.Н. Мещерякова прослеживается постоянно и объединяет его с самыми выдающимися учеными России и прошлых лет, и нынешних.

Японская культура до 1970-х годов, когда вышли первые публикации А.Н. Мещерякова, у нас была известна лишь фрагментами. Несколько блестяще изученных эпизодов из ее истории, несколько замечательных переводов литературных памятников, но между ними — пустыня, лишь очень условно размеченная краткими обзорными работами. Культура Японии для нынешнего российского читателя стала территорией гораздо более обжитой, из экзотической и загадочной стала еще одной из культур мира, с чьим опытом возможно — и полезно — сравнивать собственный опыт. Связность исследований возросла многократно: берясь почти за любую новую тему, японовед уже видит по соседству вешки, расставленные коллегами. Наверное, так и должно было стать просто по мере накопления материала. Но если сравнивать японоведение наше и, скажем, европейское или тем более американское, то материала на самом деле набрано не так много, чтобы пробелы и пустоты заполнились просто по мере освоения частных, конкретных тем. Да и самих исследователей и научных коллективов, занятых японской историей и культурой, у нас, конечно, намного меньше. И все же целостная картина выстроена, и это — заслуга Александра Николаевича и его поколения японоведов.

Образцом для коллег на много лет вперед стала работа, сделанная в области изучения японской древности: на сегодня именно древний материал в нашем японоведении охвачен полнее всего. Здесь прежде всего следует назвать переводы мифолого-летописных сводов VIII в., которые А.Н. Мещеряков подготовил в соавторстве с коллегами: вместе с Л.М. Ермаковой они продолжили работу над «Кодзики», начатую Е.М. Пинус (год публикации — 1994), а затем выпустили и «Нихон сёки» (в 1997 г.); недавно этот ряд продолжила хроника «Сёку нихонги» (2018 г.). Отрывки из летописей переводились не раз, для разных нужд, но полный перевод, по моему опыту, исключительно точен и универсален, подходит для цитирования в тех многообразных контекстах, в каких японские авторы позднейших веков цитируют древние летописи. Из переводов других памятников древней словесности у А.Н. Мещерякова первой вышла в свет под-

борка буддийских поучительных рассказов *сэцува* «Японские легенды о чудесах» (1984 г.). Затем в 1995 г. был издан полный перевод «*Нихон рё:ики*», самого раннего из сборников таких рассказов. В 1993 г. в составе тома «Буддизм в Японии» опубликована храмовая хроника «*Ганго:дзи гаран энги*» и несколько других текстов в переводах А.Н. Мещерякова. Начиная со второй половины 1990-х годов младшие коллеги Александра Николаевича — Е.Б. Сахарова и С.А. Родин — продолжили работу над памятниками японской древней словесности. Монография А.Н. Мещерякова «Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма» (1987 г.) и книга очерков «Герои, творцы и хранители японской старины» (1988 г.) в свое время получили признание далеко за пределами японоведческого сообщества. А для моего поколения, для тех, кто начинал учить японский язык в середине 1980-х, эти две книги стали увлекательным введением в специальность, подготовкой к чтению более трудных работ Л.М. Ермаковой, А.Н. Игнатовича, Н.А. Иофан и других. Множество изданий выдержал потом учебник «История Древней Японии» (в соавторстве с М.В. Грачёвым, 2002 г.), студенты-японисты по нему не только учат историю, но и осваивают тот список вопросов, на которые — применительно к другим эпохам и к более частным случаям — должно ответить историческое исследование.

Здесь мне хотелось бы сказать о другой важной стороне работы А.Н. Мещерякова. Это семинар японоведов: он собирается уже много десятков лет, начинался как домашний, потом продолжился в РГГУ и теперь действует под началом Института классического Востока и Античности НИУ ВШЭ. Основная его задача — дать слово коллегам из разных областей японоведения в формате более развернутом, чем обычный доклад на научной конференции, а с другой стороны, менее строгом, допускающем свободный обмен мнениями, любые вопросы — от специально-научных до ученических. Самые простые, на первый взгляд, и они же самые трудные вопросы на семинаре всегда задает сам Александр Николаевич. Его способ ведения заседаний помогает включиться в беседу всем, в том числе и студентам, и тем из старших коллег, кто обычно избегает высказываться не по своей специальности. Именно этот семинар помог многим японоведам выработать стиль научной речи: говорить и писать без ложного наукообразия и экзотизмов, внятно и по делу.

В гуманитарных науках исследователь не может отстраненно, незаинтересованно подходить к изучаемому предмету: без интереса не будет и смысла работать. Для книг и статей А.Н. Мещерякова «актуальность исследования» — не вводный параграф во исполнение академических требований, а такая постановка задачи, что встраивает каждую работу в два контекста: научный и общественный. Для книги «Древняя Япония: культура и текст» (1991 г.) и статей 1980-х и первой половины 1990-х насущным вопросом было понимание культуры как «информационного процесса». А.Н. Мещеряков на японском материале разобрал такие проблемы, как объем и состав сведений, имеющих хождение в ту или иную эпоху, принципы отбора сведений «полезных и вредных», «нужных и избыточных», способы принятия решений — и научных, и политических — в условиях принципиально недостаточной, а часто еще и искусственно ограничиваемой информации. В позднесоветское время и работа ученого, и жизнь любого

человека, заинтересованного в чем-либо из происходящего вокруг, позволяли очень отчетливо почувствовать, что такое нехватка доступной информации. И та информация, с которой хотелось бы познакомиться, и собственная, которой хотелось бы поделиться, ограничены были жесткими рамками — идеологии, общего дефицита, порой совсем не объяснимых запретов в каждой отдельной библиотеке, издательстве, журнале. А потом, с конца 1980-х, хлынул поток информации прежде немислимой силы, и разобраться в нем оказалось нелегко. Тем важнее было понять, как с похожими трудностями справлялись жители островной Японии во времена ее открытости и закрытости для внешнего мира.

Много ли сведений нужно, чтобы понять памятник иной культуры? И уровень, и способ понимания, разумеется, могут быть очень и очень разными, углубляться в любой текст можно бесконечно. Исследователю, а тем более переводчику приходится самому ставить некий предел. Несколько классических произведений японской литературы в переводах А.Н. Мещерякова представлены по возможности так, как если бы они были написаны в том числе и для сегодняшнего читателя: без обширного комментария, без нагромождения японских терминов, но при строгой верности главной мысли автора. Назову лишь несколько переводов: «Дневник Мурасаки Сикибу» (1999 г.), «Записки на досуге» Ёсида Канзёси (2009 г.), «Рассказы на ладони» Кавабата Ясунари (2005 г.). И говоря о переводах, не могу не сказать о тех книгах, которые вышли под редакцией А.Н. Мещерякова. Хотя, по свидетельству многих мастеров перевода, редактировать чужой перевод многократно труднее, чем сделать собственный, Александр Николаевич этой работе уделяет много времени и внимания. Таковы «Рассказы, собранные в Удзи» (2019 г., перевод Г.Г. Свиридова, отредактированный и изданный через много лет после кончины переводчика), «Собрание песка и камней» (2017 г., мой перевод, выправленный с великим терпением), трехтомный роман «Столица в огне» Кага Отохико (2020 г., работа большого коллектива переводчиков, которую А.Н. Мещеряков не просто редактировал, но еще и свел в единое целое).

Тема человеческой жизни в пору больших общественных перемен стала главной для работ А.Н. Мещерякова конца 1990-х и начала 2000-х. Они строятся вокруг революции Мэйдзи, открытия Японии большому миру, начала всеобъемлющих реформ. Множество статей, а также книга «Император Мэйдзи и его Япония» (2006 г.), удостоенная премии «Просветитель», помимо собственно исторического и историко-культурного содержания важны еще и тем, что делают существенную поправку ко многим оценкам японской культуры, устоявшимся в японоведении. А.Н. Мещеряков показывает, в каких условиях, под каким идеологическим давлением возникали те концепции японских исследователей, которые в конце XIX — начале XX в. были усвоены зарубежной наукой, в том числе и нашей отечественной, и до сих пор часто воспроизводятся как якобы «объективные», отражающие действительное положение вещей. Оценки эти касаются и расстановки рангов — что «важно», а что «второстепенно» в наследии японских писателей, поэтов, мыслителей, художников, — и вычленения тех черт, которыми Япония будто бы отличается от всех других стран мира, не важно, в лучшую или в худшую сторону. Прояснение истоков подобных кон-

цепций А.Н. Мещеряков продолжает в публикациях конца 2010-х годов по теме учений о самобытности «японского народа», *нихондзинрон*.

Вообще одно из замечательных качеств исследований А.Н. Мещерякова состоит в том, что давние темы не уходят из поля зрения, продолжают, постоянно пополняются новыми разделами. Например, одна из самых известных и особенно часто переиздаваемых его работ — это «Книга японских символов» (первое издание — 2003 г., шестое — 2013 г.), собрание очерков о разных сторонах японской культуры, включая быт, повседневную жизнь разных эпох и разных слоев общества. Новые тексты в дополнение к этому собранию А.Н. Мещеряков публикует постоянно, в самых разных изданиях, от «Вопросов философии» до «Теории моды». И как раз из таких предельно конкретных исследований вырастают всеобъемлющие по охвату работы: «Стать японцем. Топография тела и его приключения» (2012 г.) и «Terra Nipponica: среда обитания и среда воображения» (2014 г.). Обе они — новаторские для нашего японоведения. Первая посвящена в целом мало разработанной в отечественной науке теме «тела в культуре», различным путям осмысления телесного опыта человека, ответам на вопросы, кому «принадлежит» тело (самому человеку, родителям, государству), каким тело «должно быть», каковы мерки красоты и безобразия, здоровья и болезни, молодости и старости и т.д. В книгу «Стать японцем...» вошел очерк японской культуры эпохи Токугава, и к нему примыкает книга переводов: «Кайбара Экикэн. Поучение в радости. Нисикава Дзёкэн. Мешок премудростей горожанину в помощь» (2017 г.) — мудрых и простых рассуждений о жизни среди людей и среди книг, о труде и праздности и многом другом.

«Terra Nipponica» открывает такое направление исследований, как «миры» японской культуры: образы собственной страны, отдельных регионов на ее территории и периодов в ее истории, придуманные в разных сообществах с различными целями — рядом с наблюдаемой картиной современной им Японии, или поверх этой картины, или вместо нее. Исключительно емкое при небольшом объеме описание одного из таких «миров» (или нескольких, связанных между собою) дает книга 2010 г. «Гора Фудзи: между землей и небом»: гора поэтов, гора паломников, гора западных путешественников, гора как повод для гордости и как источник опасности — и Фудзи как таковая в соизмерении со всеми этими воображаемыми горами.

В заключение скажу о книге А.Н. Мещерякова, самой важной для меня: «Быть японцем. История, поэтика и сценография японского тоталитаризма» (2009 г.). В ней речь идет не только о Японии первой половины XX в., не только о сходстве и различиях между разными тоталитарными режимами прошлого столетия, но и о том, как вырастает и как погибает античеловеческая идеология, какую роль в ее становлении играют — помимо прочего — благие намерения ученых и философов, откуда люди берут силы противостоять ей. Как показывает эта книга, в историческом исследовании — как в жизни, есть место и ненависти, и скорби, и любви, если только ведется оно с полной научной честностью. Этот урок Александра Николаевича для меня особенно дорог.

Н.Н. Трубникова

КИТАЙ И ИНДИЯ
В ЯПОНСКОЙ ТРАДИЦИИ